

НАША СТРАНА

Год издания — 39-ый. Буэнос Айрес, суббота 14 марта 1987

"NUESTRO PAIS"

Buenos Aires, sábado 14 de marzo de 1987 No. 1911

Мститель Царской Семьи

В Соединенных Штатах 18 февраля скончался последний из героев белой эмиграции, Борис Коверда. Его имя навсегда останется в истории России символом отважного единоборства с большевизмом.

Седьмого июня 1927 года на вокзале в Варшаве Коверда застрелил советского посла (на тогдашнем советском жаргоне — полпреда) Петра Войкова, одного из тех, кто был лично ответствен за убийство Царской Семьи.

Покушение на Войкова, совершенное 19-летним Борисом Ковердой, как и казнь другого советского "дипломата" Вацлава Воровского за четыре года до этого в Лозанне капитаном Конради, показало, что российская эмиграция никогда не признает ни законности советского режима, ни полномочий его официальных представителей, ни того факта, что западные демократии смирились с существованием первого в мире террористического государства.

Польский суд приговорил Бориса Коверду к пожизненному заключению в каторжной тюрьме, которое впоследствии было заменено по амнистии десятилетним лишением свободы. Полностью отбыв это наказание, Коверда остался таким же убежденным противником коммунизма, каким был всегда. Он много лет со-

трудничал в антикоммунистической печати Европы и Соединенных Штатов, был членом редакционной коллегии выходившей в Нью Йорке национальной газеты "Россия".

Выйдя на пенсию Борис Софронович Коверда жил в кругу семьи в одном из небольших американских городков. Время от времени на страницах антикоммунистической прессы

появлялись его глубокие, содержательные статьи, чаще всего посвященные польскому вопросу.

Будучи человеком сдержанным и необычайно скромным, Борис Коверда долгие годы не писал и не делал публичных высказываний о событиях, которое 60 лет назад сделало имя его известным всему миру. Но за три года до смерти, сознавая, что у него есть обязанности перед историей, перед новыми поколениями русских националистов, Борис Коверда решил впервые поделиться своими воспоминаниями. Его описание покушения на полпреда Войкова было опубликовано "Нашей Страной" под заглавием "Шесть выстрелов" в № 1756 от 24 марта 1984 года.

Вскоре после своего освобождения из тюрьмы, Борис Коверда посетил русский кадетский корпус в Югославии. Встречая его, восторженные кадеты — многие из которых приняли затем участие в антикоммунистической борьбе в рядах основанного генералом Скеродумовым, Русского Корпуса — скандировали: "Борис, Борис, Борис Коверда! Ура! Ура! Ура!"

Этим же криком "Наша Страна" хочет почтить память отважного мстителя Царской Семьи.

Борис, Борис, Борис Коверда! Ура! Ура! Ура!

Борис Софронович Коверда сразу после выхода из тюрьмы. 1937 г.

ВЛАДИМИР РУДИНСКИЙ

СТРАХ ПЕРЕД ПРАВДОЙ

Прибыв за границу, В. Войнович посвятил себя задаче борьбы с монархизмом. Сперва в статьях; теперь соорудил и роман; старается не за страх, а за совесть. И что это доказывает? Он-то себе в том отчета не отдает; но мы отдаем.

Это доказывает жизнеспособность и силу монархической идеи. Потому что с мертвой идеей, у которой нет или очень мало сторонников, за границей, а главное в подъяремной России, — к чему бы было, и какой смысл бы имело воевать? И даже будь эта идея представлена некоторым малым числом людей, и людей незначительных, — стоило ли бы против нее надрываться? Борются, да еще с таким усердием, только против мощного врага.

Между тем, ведь чем мы располагаем? Америка и прочий Запад финансируют и рекламируют не нас, а левых. Денег у нас нет, *престижных*, — выражаясь отвратительным, но модным современным жаргоном, — изданий тоже. Есть — одно мировоззрение; однако, оно-то и важно. Ибо у наших противников лозунги никудышные, выветрившиеся сполна и никого больше не воодушевляющие.

Но вернемся к Войновичу. Итак, он состряпал роман, "Москва 2024", напечатанный (в отрывках) в израильском русскоязычном журнале "22", № 49.

Речь идет об утопии или, если хо-

тите, — антиутопии. В будущем, которое здесь изображается, Россией по-прежнему управляют большевики. Но существует подпольно некий СИМ (Союз Истинных Монархистов), им грозный, и в конце концов даже захватывающий власть. Что ж, дай Бог! Хотя, — почему бы так поздно?

Факт, что с Войновичем произошло как с Валаамовой ослицей. Он, высказывает не то, что бы ему хотелось, а то, чего он боится, и что у него невольно вырывается.

Бойтся он монархии. И еще, — бойтся Солженицына, которого выводит под именем Карнавалова. И тут снова гротеск не скрывает, а обнажает подлинные заботы сочинителя. У него, Карнавалов дает себя погрузить в анабиоз, в искусственный сон, с тем, чтобы проснуться через столетие. Заметим мимоходом, что тут мысль похищена у Беляева, талантливого подсоветского фантаста 20-30-х годов; сам-то бы Войнович не додумался. Впрочем, и Беляев исходил из книги Уэльса "Когда спящий проснется"; но он-то внес много нового от себя.

Кошмар, бред больного все равно отражают фрагменты реальности. Человеку невозможно прожить несколько веков; но идея может жить долго, но книги, где она зафиксирована, могут сохраняться и тысячу лет. Вот это Войновича и пугает. Если расшифровать его подспудные

чувства, они сводятся к ужасу: пусть не сейчас, не сегодня, но где-то в будущем программа его противников все же осуществится.

Почему именно через сто лет? Это бы, пожалуй, Войновича очень то бы и не беспокоило. А вдруг — гораздо быстрее? Вот этого уж ему и совсем не хочется.

Искренне путаясь в понятиях, или дезинформируя умышленно публику, Войнович смешивает и сваливает в одну кучу весьма различные вещи.

Солженицын не является претендентом на престол. Хотя то, что он — русский патриот и защитник русских национальных традиций, его с нами, естественно, сближает. Вероятно, издали, для неприятеля, разница незаметна, а сходство кидается в глаза.

Монархическое же движение не зависит никак от срока жизни Солженицына, ни даже всего нынешнего поколения. Пока будут иметься представители законной династии, — а она, слава Богу, не под угрозой исчезновения, — будет существовать и российское монархическое движение (может быть, могло бы и дальше еще; но это уж область предположений).

Во всем остальном, антиутопия Войновича довольно наивна. Всяческие абсурды и гадости советского строя и сейчас налицо; он их лишь

слегка преувеличивает. То же самое, и лучше, сказали уже до него другие, как, например, Орвелл.

А вот какой строй Войнович считал бы идеальным и желательным, он не показывает; и жаль! Стремясь дискредитировать монархистов, он намекает, что де у них все будет такое же точно, как у большевиков. Сие совершенно неправдоподобно: ясно, что люди, способные бороться с советским строем и его опрокинуть, хотя бы что-то радикально иного, провозглашают вовсе иные ценности и намереваются установить порядки никак не похожие на советские, большевистские или вообще коммунистические.

Изображение *монархической* утопии, с картиной мира, где наши концепции восторжествуют могло бы представлять собою весьма интересную попытку, если бы кто решился ее начертать. Но тут бы нужны и художественный талант и политическое прозрение, какие мало у кого найдутся. Даже П. Н. Краснов, писатель отнюдь не без дарования, с такой задачей не сумел справиться; да его книга "За чертополохом" уже во многих отношениях и устарела.

Но ничего: будем надеяться, что возрождение монархии в России осуществит жизнь, — и что она справится с делом лучше, чем наши самые смелые фантазии!

ВЛАДИМИР РУДИНСКИЙ

Зарубежная Жизнь

ВЕЧЕР "О ПОЭЗИИ И СУДЬБЕ НИКОЛАЯ ГУМИЛЕВА" В МЮНХЕНЕ

Русский литературно-исторический кружок "За веру и верность" в Мюнхене продолжает с неизменным успехом устраивать литературно-художественные вечера, в которых участвующая в них публика имеет возможность услышать слово правды и любви к культурному и историческому прошлому России.

Последний вечер, 16 января 1987 года, был посвящен 100-летию со дня рождения Н. С. Гумилева, выдающегося поэта "серебряного века" русской литературы. Очерк жизни, творчества и трагической судьбы поэта прочел профессор русской литературы в университете Перуджа, Е. А. Вагин.

Вечер был открыт вступительным словом Л. И. Барата-Баранова, указавшего, что русским людям, живущим на чужбине, следует особенно следить за своей историей и периодически оживлять память, привлекать внимание к прошлому и, когда наступают годовщины исторических событий и выступают полузабытые образы старины, то они должны быть достойно отмечены в российском зарубежье.

В своем докладе, воспринимавшемся русской и иностранной аудиторией с живейшим интересом, профессор Вагин указал то истинное знание жизни и поэзии Гумилева, которое так исказило советское литературоведение. Он подчеркнул мужественно-твердый и ясный взгляд на жизнь, присущий поэту, гармонизировавший с бескомпромиссной жизненной и политической позицией Гумилева, монархиста и патриота России, и то, что он явился выразителем истинно русского отношения к идее братства всех людей, о котором поэт писал: "Славянское ощущение равенства всех людей и византийское сознание иерархичности при мысли о Боге".

Профессор Вагин с убедительнейшей дальнобойностью выражения, вызвавшей ответную реакцию у слушателей, ярко указал провидение Гумилевым собственной трагической кончины вместе с предстоявшей жалкой и презренной февральской революцией, мужественность всего строя его жизни и неповторимую прелесть его поэзии и его предельный патриотизм — "... золотое сердце России мерно бьется в груди моей".

После доклада и дискуссии состоялся небольшой концерт русской народной музыки с участием Е. Шефтер (баян) и Н. Н. Скворлова (балалайка) и читались стихи Н. С. Гумилева. Л. И. Барат-Баранов прочел "Туркестанские генералы", стихи, посвященные той части Русской Императорской Армии, которая в одно поколение совершила покорение и присоединение Средней Азии к России и со славой пронесла свои знамена в хивинских, бухарских и туркестанских походах от Хивы до Геок-Тепе:

"Поля неведомой земли
и гибель роты несчастливой,
и Уч-Кудук и Киндерли
и русский флаг над белой Хивой".

Е. В. Березина прочла с большим чувством "Наступление", "Шестое чувство", "Рабочий", "Дон-Жуан" и "Рыцарь счастья" — произведения, из которых предстает и вся широта личности поэта, его судьба и его любовь к отечеству.

Вечер прошел в дружеской атмосфере с "чувством локтя", как говорили в старину. Почетным и старейшим гостям, как русским так и иностранным, были по обычаю русской старины поднесены "чарочки", и с помощью Е. Шефтер и ее баяна прозвучали песни Императорской Армии, казачьей конницы, кадетских корпусов и военных училищ.

Можно сказать без преувеличения, что вечер был удачным событием, о чем свидетельствовало нежелание многочисленной иностранной и русской публики оставить уютный зал, украшенный национальным и Андреевским флагами и портретами государя Николая Второго и Н. С. Гумилева.

Б.

ДЕНЬ НЕПРИМИРИМОСТИ ФЕВРАЛЮ В СИДНЕЕ

В воскресенье 8-го марта в Русском Клубе Российский Национально-Патриотический Фронт города Сиднея (Австралия) устроил открытое собрание посвященное Дню Скорби — 70-ой годовщине крестного пути нашей отчизны. В листовках, распространенных организаторами, подчеркивается, что "семьдесят лет революционного бытия не создали на Руси обещанного врагами царской власти земного рая. Налицо, полное обнищание великой страны, одно бедствие за другим, поголовное пьянство, воровство, издевательство властьюмущих. Совершается расплата за царубийство... Спасение России в православии и самодержавии, но этот великий дар Божий необходимо заслужить... Да дарует Господь Бог Всемогущий и Всемилостивый нашему многоплеменному российскому народу силы совершить великий подвиг, во имя благоденствия, славы и величия бессмертной России".

Трибуна Читателя

ОТТЕНОК НЕБЛАГОРОДСТВА

С отвращением прочел я в журнале "Синтаксис" № 15 слова И. Шамира, в статье "Третья волна или Улисс и Циклоп", явно относящиеся к Ермаку Лукьянову (которого он, впрочем, по трусости, не называет по имени):

"Один из сотрудников "Мысли", рассказал мне с ужасом, что в Советском Союзе расстреляли "ни за что" съездившего туда эмигранта из второй волны" — к чему Шамир спешит добавить гнусную клевету: "который, может, когда-то и повесил кого в Белоруссии, но это же было давно"

У Пушкина есть стихотворение "Сказали раз царю", написанное по поводу казни Риго в Испании, содержащее следующие строки:

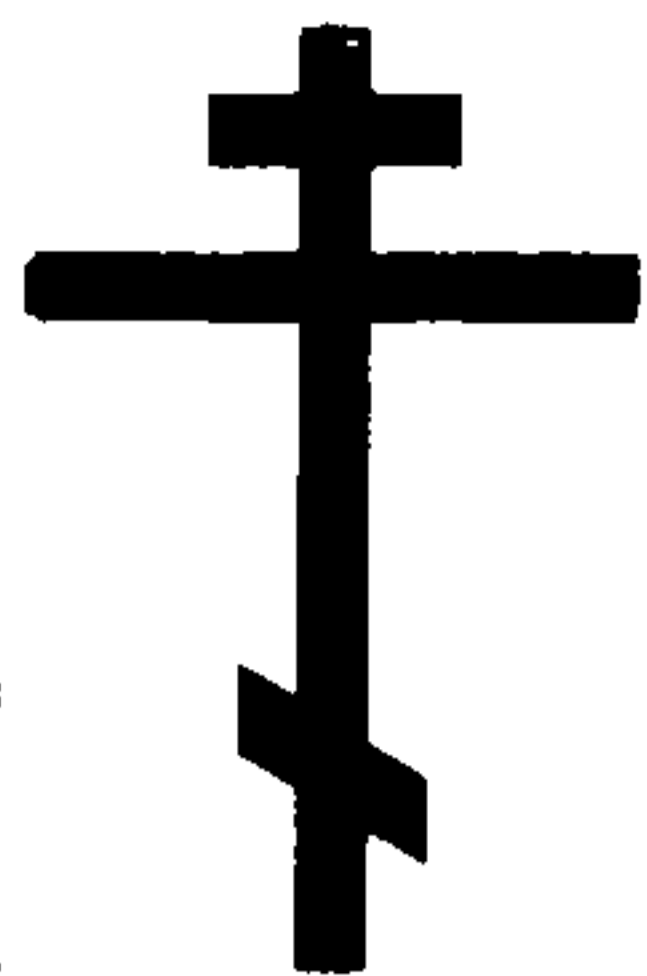
Удобно ли, скажите, стгоряча
Ругаться нам над жертвой палача?

Оно заканчивается советом:

Льстецы, льстецы! Старайтесь сохранять
И в самой подлости оттенок благородства.

Г-ну Шамиру понятие о благородстве несвойственно. Он ведет себя с наглым и вызывающим хамством, благо может это делать безнаказанно (да, при теперешнем возобновлении выдач антикоммунистов Соединенными Штатами, возможно, и не без выгоды для себя). Одно возмездие он все же, без сомнения, получит; презрение всех порядочных людей, за рубежом и в России.

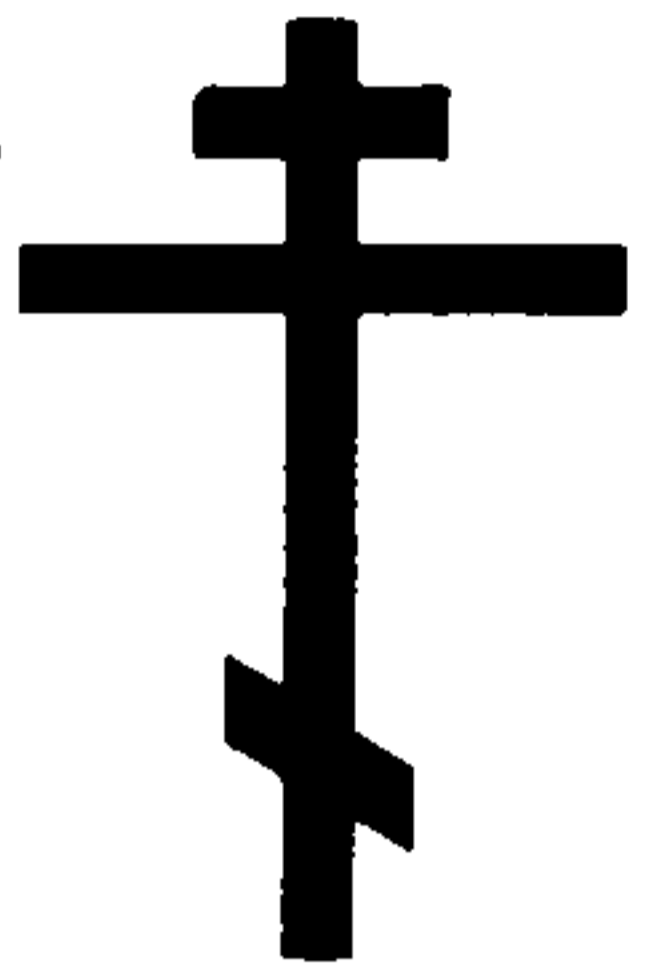
Г. Криваго (Италия)

Российский Имперский Союз-Орден с прискорбием сообщает о кончине в США 18 февраля с. г. бесстрашного русского патриота

БОРИСА СОФРОНОВИЧА КОВЕРДЫ

и выражает свое соболезнование всем родственникам покойного героя белой эмиграции.

Редакция "Нашей Страны" с печалью сообщает о кончине 18 февраля с. г., на 79-ом году жизни отважного мстителя за убийство Царской Семьи

БОРИСА СОФРОНОВИЧА КОВЕРДЫ

Да будет легка чужая земля верному витязю России.

ПЕЧАТЬ

НЕЧИСТАЯ СОВЕСТЬ

В издающемся в Париже антикоммунистическом журнале "Est et Ouest" (№№ 32-33), О. Тодд констатирует, что Запад, и в частности Франция не любит говорить о Вьетнаме; что он приписывает нечистой совести. Левая французская интеллигенция сочувствовала, во время войны там, коммунистам, а правая была ослеплена враждебностью к Америке. Впрочем, как показывает автор, война была проиграна не во Вьетнаме, и не его правительством или армией, а в США, по вине американского общественного мнения. Он выражает надежду на освобождение со временем страны от коммунизма, поскольку Вьетнам, наравне с Кубой "принадлежат к числу коммунистических государств, наиболее удаленных от советской базы". Хотелось бы его надежду разделить...

МЕСТОИМЕННИЕ Я

В "Русской Мысли" от 13 февраля, в заметке "На тему о возвращении", Е. Эткинд формулирует свои требования к советскому правительству: "чтобы нынешнее правительство признало преступные действия, которые совершены его предшественниками по отношению ко мне и моей семье; чтобы оно согласилось сделать необходимое для исправления последствий этих действий; чтобы в библиотеках и книжных магазинах оно восстановило изъятые мои книги; чтобы я был уверен в том, что тайная полиция не причинит никаких неприятностей близким мне людям и, наконец, что она, тайная полиция, вообще лишена теперь бесконтрольного права вторгаться в частную жизнь граждан"

Мимоходом г-н Эткинд добавляет, что употребляет местоимение я (а не мы) ибо оно "звучит конкретнее и потому убедительнее. Ну, без сомнения! Укажем теперь, что последний пункт в его программе явно невыполним, да сформулиро-

ван крайне нечетко: что значит "бесконтрольное право" (кто и как должен контролировать? советская власть? она и контролирует...)?

Остальные же его пожелания, полагаем, для большевиков легко приемлемы; и если они считают фигуру Эткинда достаточно значительной, то ему и пообещают их выполнить (насколько точно выполнят, — иное дело). А тогда, странно было бы ему уклониться от соблюдения своего обязательства вернуться! Эффект же, разумеется, за рубежом вышел бы прескверный.

Для нас, первой и второй эмиграции, да, как факт, и для широких масс третьей, такие действия расценивались бы как измена (и самое предложение их уже выглядит не очень красиво). Хороша, впрочем, и газета, через которую желающие ведут переговоры и вступают в сделки с советским режимом!

ТЕНЬ КРЕСТЬЯНСКОГО ПОЭТА

Во французском журнале "Cahiers du Monde Russe et Soviétique" № 26 (3-4) К. Азадовский разбирает отношения между Есениным и Клюевым, с чрезмерной благосклонностью к последнему. Т. Пахмусс публикует стихи и письма давно покойного эмигрантского поэта А. Штейгера, оказывая ему плохую услугу, ибо в них уловимо пробиваются гомосексуальные нотки. Удивительно, что она видимо не знает, кто такой был Казем-Бек! Иное дело публикуемые М. Нике материалы, касающиеся А. Ширяева, современника и друга Есенина, талатливого и недостаточно известного крестьянского поэта. Воспроизведем отрывок из одного из его писем: "Участвовать в агитационном сборнике и конкурировать с Демьяном Бедным и иными пролетариями, вкушающими кремлевские пайки, я не намерен... Я сын крестьянской полевой Руси, а не той, которая проповедуется в сферах". Ранняя смерть, в 1924 году, спасла поэта от компромиссов или от гибели от рук большевиков. В том же номере Дж. Дэвис публикует любопытные данные и догадки относительно биографии Есенина.

В. Р.

В. ЛЕШИН

ПРИЧИНЫ ПОРАЖЕНИЯ

(В П О Р Я Д К Е Д И С К У С С И И)

Я не военный историк и в мою задачу не входит делать детальный анализ военных действий. Но было бы далеко недостаточным ограничиться только упоминанием о боевых операциях не сказав ничего о тех условиях, в которых протекала борьба Белой армии на юге России и о причинах ее поражения.

В гражданской войне с ее специфическими особенностями к общим причинам чисто военного характера, вызывающих успехи и неудачи, прибавляются много посторонних причин, которые не пренебрежимо никакой военной наукой и не встречаются в практике больших войн с участием многомиллионных армий. Тактика и стратегия позиционных войн при наличии непрерывной линии фронта, не применимы в гражданской подвижной войне, где многое зависит от неожиданно сложившейся в данный момент обстановки и умения немедленно и выгодно использовать ее в своих целях.

И еще одно обстоятельство имеет большое значение. В гражданской войне, больше чем позиционной, плоды побед достаются тем воинским частям, командиры которых умеют быстро ориентироваться, находить правильное решение и моментально перехватывать инициативу. Как раз этими качествами и отличалась существенно Белая армия от Красной армии, в которой целые батальоны состояли исключительно из офицеров, в то время когда в Красной армии полками, дивизиями, бригадами, корпусами и даже армиями часто командовали рабочие (слесарь Ворошилов), вахмистры (Буденный), унтер-офицеры (Жлоба) и учителя (Фрунзе).

И только в результате этих высоких качеств командного состава в соединении с твердым желанием добровольцев освободить родину от интернациональных захватчиков, Белая армия, несмотря на свою малочисленность смогла так долго вести неравную борьбу с превосходящей ее Красной армией.

Но почему же первая фаза гражданской войны на юге закончилась такой ужасной катастрофой?

Известно, что антибольшевизм борьба впервые началась на Дону в результате вмешательства новой власти в казачью жизнь. Протест скоро вылился в организованный отпор и кое-где появились партизанские отряды. К сожалению, до повсеместного восстания дело не дошло, так как этому препятствовали молодые казаки прибывшие с фронта, распропагандированные там и по дороге большевизмскими агитаторами. Да и жители отдельных станиц не проявляли особого интереса к происходящим событиям, не зная, что делается в центре и не зная, что будет и здесь завтра. Пассивность обывателей позволила красным усилить нажим и они стали приближаться к столице Донской области городу Новочеркасску.

В то время, когда на Дону происходило брожение, там появился генерал Алексеев и спешно организовал новое, назависимое от Дона, Белое Движение, намереваясь превратить его во всероссийское. На его клич начали стекаться со всех сторон России офицеры, юнкера военных училищ и просто добровольцы из которых и составился Добровольческий отряд, превратившийся после смерти Алексеева в целую армию. Донской атаман генерал Каледин сочувственно отнесся к этому начинанию и оценив патриотический долг

добровольцев, всемерно помогал отряду в период его организации. Совсем по другому отнеслось к нему Донское правительство, видя в добровольцах непрощенных и чужих людей, ненужных Дону. Чтобы избавиться от укоров, Добровольческий отряд перебрался в город Ростов, где он освободился от нападков Донского правительства и получил свободу действий.

Большевики тем временем нажимали с севера и опасность захвата ими Новочеркасска все время усиливалась. Атаман Каледин обратился к Алексееву и Корнилову за помощью, прося их возвратиться в Новочеркасск и совместно с донскими партизанами создать мощный кулак, энергичным наступлением отбросить красных за границы Дона, и тем самым поднять настроение казаков ближайших станиц. К великому огорчению Каледина, Корнилов, возглавивший Добровольческий отряд, ввиду старости и плохого состояния здоровья генерала Алексеева, от такого предложения отказался. Больше того, он потребовал от Каледина возвращения из Новороссийска в Ростов офицерского батальона, бывшего до этого в составе Донской армии. Уход этого батальона оголял главный боевой участок и приблизил надвигающуюся опасность. В довершение всего атаман Каледин получил телеграмму от Корнилова, извещавшего его о намерении со своим отрядом покинуть Ростов и уйти на Кубань.

Когда наступили критические дни атаман Каледин созвал членов Донского правительства, на котором сложив свои полномочия предложил сделать то же самое и им. Покинутый всеми и оставшись в полном одиночестве он, закрыв заседание, ушел в соседнюю комнату и там застрелился. Даже и это не подействовало на Корнилова и он, отклонив вторую просьбу вновь назначенного атамана генерала Назарова задержать отряд, — двинул его на Кубань. К нему присоединились некоторые партизанские отряды из Донской армии и ушли с Добровольцами под командованием генерала Богаевского.

Атаман Каледин отговаривал генерала Корнилова от этого ненужного похода, советуя отходить в Задонье, но последний прельщенный богатой Кубанью ошибся и вместо "Долины Роз" попал в осиное гнездо, где отряд обстреливали в пути не только из каждой станицы, но из-за каждого куста. Как и на Дону кубанские казаки за короткое время не успели еще узнать настоящее лицо коммунизма, скрытое за красивыми и многообещающими лозунгами. Наоборот, наслышавшись агитаторов, они наивно верили, что "белогвардейцы" идут, восстанавливать крепостное право, а в доказательство указывали на неожиданно появившихся добровольцев, состоящих исключительно из офицеров, юнкеров и генералов царской армии. Теперь всем известно, что ложь и обман служили главными средством большевиков к захвату власти.

Достаточно было одного месяца хозяйничанья большевиков на Дону, чтобы казаки узнали их природу и всерьез взялись за оружие. Уже в марте месяце 1918 года начались разрозненные восстания донцов и Дон "всколыхнулся". К этому времени появился в Ростове отряд полковника Дроздовского, совершившего свой легендарный поход от Ясс в Румынии. А в апреле возвратились

из своего похода на Кубань добровольцы. Крестный путь их, задуманный генералом Корниловым вопреки здравому смыслу, стоил жизни не менее половины отряда и самого инициатора, убитого под Краснодаром.

Забыв прошлое, то есть отказ генерала Корнилова от совместной защиты Новочеркасска и демонстративный уход на Кубань, радостно встретили донцы измученных, оборванных и голодных добровольцев. Разместив всех по городам и станицам, а раненых поместив в больницы им дали возможность до половины июня спокойно отдыхать и формироваться.

Теперь, когда на Дону заботами нового атамана генерала Краснова была создана своя собственная казачья армия, а добровольцы оправившись после неудачного Кубанского похода, пополнили свои ряды, явилась возможность общими усилиями от обороны границ Дона перейти в наступление. Но вместо этого, неожиданно, произошло второе разъединение, которое роковым образом отразилось на ходе дальнейшей борьбы и привело Белую борьбу к печальному концу.

Генерал Деникин, вступивший в командование Добровольческой армии, сразу же после смерти Корнилова, объявил новую политическую линию, выразившуюся в двух словах "Единая Неделимая" и стал ярким противником всяких самоопределений и автономий не взирая на то, что они не признавали большевиков и готовы были бороться за восстановление законной власти. Проявляя крайнюю непримиримость к самоопределению Украины, Грузии и Дону, Деникин не пожелал оставаться на "чужой" территории — Автономной Области Войска Донского, — и решил по примеру Корнилова опять отвести свою армию на Кубань.

На сей раз атаман Краснов отговаривал Деникина от этого похода, доказывая, что красные отряды на Кубани не представляют большой опасности и с ними вполне могут справиться сами восставшие против них кубанские казаки. Добровольцам же советовал двигаться совместно с Донцами к Волге для захвата Царицына, что давало возможность получить громадные запасы военного снаряжения, пушечный и снарядный заводы, а самое главное, сблизало с армией адмирала Колчака, с оренбургскими казаками генерала Дутова. Но тот и слушать не хотел "самостийника" и все же вывел свою армию, оставив донцов одних сдерживать натиск Красной армии с севера, забывая при этом, что своим возникновением и существованием Добровольческая армия обязана была исключительно Дону.

Тем временем большевики, не предвидя никакой опасности, сняли с Царицынского фронта почти все войска и перебросили их на Волгу, чем и принудили Сибирскую армию к отступлению.

Это упрямство Деникина стало роковым. Сибирская армия проделав блестящий поход от Урала к Волге, потеряла до 50 % солдат и офицеров и крайне нуждалась в пополнении поредевших частей. Если бы Деникин поспешил на помощь, была полная возможность разбить Красную армию и двигаться дальше на Москву без задержки и уже тогда могла быть закончена гражданская война, а власть большевиков уничтожена.

Допустив одну ошибку, Деникин затем делает другую. Ненависть к самостийной Украине и Дону он переносит на немцев, оккупировавших тогда эти области. Но он был неправ, обвиняя их в пособничестве большевикам. Оккупация немцами Украины и Дона произведена была не с целью захвата и присоединения их к Германии, а была вызвана голодом. Ведь это верно, что Германия и Австрия в 1918 году вывезли из Украины и Дона около двух миллионов пудов зерна и других продуктов и тем самым спасли свои страны от голода. Оккупируя Украину и Дон немцы не посягали на их суверенитет, а наоборот защищали их от большевиков.

Донской атаман Краснов правильно оценил создавшуюся обстановку и выгодно использовал для себя пребывание немцев на Дону и Украине, получая от них все необходимое для своей армии и даже делаясь этим с добровольцами, которые зная, что получают немецкое снаряжение, закрывали на это глаза. Не считался Деникин и с тем, что немцы, оберегая Украину и Дон от нападения красных, создали своего рода барьер между белыми и красными войсками, дав возможность первым, в том числе и добровольцам, формировать новые части и готовиться к дальнейшим боевым действиям. Немцы даже обещали принять участие в походе на Царицын.

Продолжая считать немцев заклятыми врагами России, Деникин обратился за помощью к союзникам, но те много обещали, но почти ничего не давали и под конец оставили его. Таким образом непримиримость Деникина к Германии, Украине и Дону породили помимо "самостийнической" ориентировки" еще "германскую" и "союзническую", что никак не способствовало успеху общего дела, но бесконечно испортило взаимоотношения между Добровольческой и Донской армиями.

В октябре месяце 1918 года гетман Скоропадский сделал предложение создать съезд представителей всех новых государственных образований для выработки общего плана борьбы с большевиками. При этом он предоставлял в распоряжение объединенной армии громадное военное имущество оставшееся на Украине от русской армии и даже обещал денежную помощь. Это предложение было реальным в то время, когда союзники продолжали кормить только обещаниями.

И здесь Деникин проявил упрямство, не желая не только принять помощь, но даже разговаривать с представителями "самостийной" Украины, держа парол — "Единая Неделимая". Наоборот, в ответ на это предложение, начались жестокие атаки против гетмана Скоропадского и атамана Краснова, окончательно испортившие отношения с Украиной и Доном.

Несмотря на это, Донская армия не только не пустила к себе красных, но сама вышла за пределы своей области, продвинувшись к Воронежу и в Саратовскую губернию, доведя свою армию до 65.000 человек. Но вот неожиданно произошло отречение кайзера Вильгельма Второго. Немцы покинули Украину и Дон, где сразу же произошел переворот. Гетмана Скоропадского заменил Петлюра, но и он не мог навести порядка и туда стали просачиваться красные войска. Положение могло

быть опасно, если бы союзники немецкие войска заменили своими, но вместо этого они объявили вождем на юге генерала Деникина, обязав подчинить ему и атамана Краснова. В скором времени под давлением союзников состоялось объединение Добровольческой и Донской армий под единым командованием Деникина. Но как раз теперь вместо ожидаемого успеха начались неудачи, следовавшие одна за другой, закончившиеся отстранением генерала Краснова от дел и заменой его сторонником Деникина атаманом Богаевским. С уходом атамана Краснова, произошли новые назначения и на посту командующего Донской армией оказался вместо талантливого генерала Денисова, ставленник Деникина генерал Сидорин, командовавший в прошлую войну всего лишь саперной ротой.

По примеру Кубанской Рады в военное дело стал вмешиваться Донской Войсковой Круг с большим левым уклоном. У всех, кто болел душой за Дон и радовался успехам Донской армии, после таких перемен в командовании зародилась тревога за их судьбу. И действительно, достаточно было передать командование Сидорину, как штабы дивизий и бригад перестали получать директивы и приказы и даже сводки об общей обстановке с указанием нахождения не только противника, но и новых частей. Ухудшилось снабжение армии продовольствием и фуражом и солдаты часто были голодны, раздеты и разуты, а лошади без фуража и подков.

Теперь Дон ничем не отличался от Кубани, где давно уже Белая борьба находилась в руках политиков, на поводу которых шел Деникин. "О каком-либо плане войны не приходилось говорить. С военной точки зрения война велась самотеком. Какими средствами легче было бы разбить большевиков не думали. Как отдельные успехи, так и поражения носили случайный характер и какие причины при этом играли главную роль не выяснились и, следовательно, не стремились исправить допущенные ошибки и не повторять их в будущем... Не было заботы о создании резервов и замены ими переутомленных частей на фронте". Так рисует положение генерал Голубинцев, в своей книге "Русская Вандея".

По тем же причинам не удался рейд генерала Мамонтова. Успешно начатый и блестяще осуществленный, он не принес никакой пользы, только потому, что командующий Донской армией генерал Сидорин не выполнил своего обещания придать Мамонтову Донской кавалерийский корпус генерала Коновалова и конную дивизию полковника Голубинцева, что составляло 4.000 сабель. Они были оставлены на полпути, получив новую задачу. Захватив Тамбов и заняв Воронеж, Мамонтов разбил по пути несколько советских дивизий и отрядов. Но это доставалось ценой больших потерь в личном составе. По своим масштабам, по пройденному расстоянию и нанесенным противнику потерям, — рейд Мамонтова превзошел все ожидания. Он превратился в поединок, в результате которого могла пасть советская власть, но Деникин и Сидорин не сумели использовать этот небывалый успех.

Рейд Мамонтова, беспримерный в истории войны, лишний раз дока-

зывает, как высоко подняли славу белого оружия его бойцы и командиры и как низко стояли их возглавители. По мнению того же генерала Голубинцева, дальнейшие неудачи, приведшие к отступлению и поражению происходили в атмосфере небрежности и легкомыслия высшего командования и тут же добавляет, — хаос и неудачи создавались, а не были случайными, а при эвакуации они граничили с преступлением. Паника началась уже у Краснодара. Армия откатывалась, а распоряжений об эвакуации никто не давал.

Неизбежный отход армии определился уже давно и вставала необходимость подумать о сохранении ее. Но никому и в голову не пришла мысль заранее составить план планомерной эвакуации, мобилизовав для этого все транспортные средства и флот, находящийся в крымских портах. Этого сделано не было и отступление превратилось в беспорядочное бегство. Оказавшихся судов в Новороссийске было мало и солдаты потеряв надежду попасть на пароход, целыми полками уходили в горы, тысячи разбежались по домам, а многие сдавались на милость победителей. По словам генерала Улагая, до сорока тысяч кубанцев вместе с беженцами и до двадцати тысяч донцов, не имея возможности погрузиться, отошли вдоль черноморского побережья по дороге на Сочи и Туапсе.

При том количестве артиллерии, броневиков и броневедомостей, танков и судовой артиллерии, а также и при наличии природных условий, можно было организовать отличную оборону Новороссийска и задержать в нем до полной эвакуации всех войск и всего имущества: можно было захватить всех беженцев и даже лошадей. Но в обстановке полной неразберихи и хаоса, в Новороссийске остались все обозы, артиллерия, снаряжение, конский состав и прочее имущество, а также запасы продовольствия, фуража и обмундирования.

Можно было бы продолжать перечень недостатков и ошибок, но и приведенных мною достаточно, чтобы судить о причинах поражения Белой армии в первую фазу войны на юге России. При этом очень важно, чтобы не причислить к виновникам катастрофы рядовых солдат и офицеров, провести четкую разницу между ними и высшим командованием. А так как верховная власть, как военная, так и административная, находилась в руках генерала Деникина, то к нему лично и должны быть направлены все обвинения в неудачах и ошибках. Что же касается армии, то доблесть, героизм солдат и офицеров заслуживают самой высокой оценки и они признаны многими военными авторитетами на Западе. Жертвенность, выносливость, непреклонная воля и сознательное выполнение долга перед родиной — главные качества белых воинов, которыми они резко отличаются от красных, идущих в бой по приказанию командиров и комиссаров и подгоняемых сзади политруками с наганом в руках. Как жаль, что эти чудобогатыри не имели над собой талантливого вождя-диктатора сумевшего использовать их для достижения победы, и как тяжело становится на душе вспоминая понесенные ими неоправданные жертвы!

До сего времени речь шла о неу-

дачах и ошибках в военной области и мало сказано о политических недостатках. Если военные ошибки можно объяснить неудачами, то политические промахи, допущенные Деникиным, нельзя оправдать при всем желании, а они-то и привели доблестную армию к Новороссийской катастрофе.

Уже в самом начале Белого Движения, когда весь народ протестовал против новых порядков, Деникин своим замалчиванием того, что произошло в России, санкционировал уничтожение исторической власти. Он не осудил своих коллег по оружию, генералов, командовавших армиями: Алексеева, Брусилова, Эверта и Рузского, требовавших отречения государя от престола, а по той же дорожке пошел за Временным Правительством. Даже неслыханное злодеяние большевиков, расстрел государя Императора с семьей, не вызвали у него протеста. Он не потрудился объявить об этом приказом по армии и тем самым вызвать месть в войсках за напрасно пролитую кровь, ни в чем не повинных Царя и Его Семьи. Ни внутренняя, ни внешняя политика Деникина не соответствовали интересам народа, и поэтому не была им одобрена и принята.

Для полной характеристики Деникина приведу высказывания о нем атамана Краснова и генерала Врангеля.

Краснов долго не соглашался на объединение Донской армии с деникинской то есть Добровольческой... "не считая Деникина талантливым организатором, способным улучшить положение: передать всецело в руки Деникина Донскую область и войска, по его мнению, "было равносильно развалить все то, что с такими нечеловеческими усилиями было сделано". В другой раз атаман Краснов откровенно заявил, что "в генерале Деникине он не видит то лицо, которое могло бы успешно справиться с предстоящей огромной задачей водительства всеми вооруженными силами юга России". Генерал Краснов желал "объединения антибольшевицких сил, действующим на юге России, кем-либо из популярных русских генералов, но только не генералом Деникиным".

А вот мнение Врангеля, который, говоря о причинах поражения выразился так: "Стратегия была принесена в жертву политике, а политика никуда не годилась". В другой раз он говорил: "Проделав эволюцию от единоличной диктатуры до демократического правительства, генерал Деникин спутал все карты в колоде своей политической игры". "Провозгласив "Единую, Великую и Неделимую", пришел к тому, что разъединил все антибольшевицкие силы и разделил их на целый ряд враждующих между собой образований".

Деникин не уяснил себе, что против диктатуры можно бороться только диктатурой, а окружил себя социалистами, пользуясь во всем их советами. В то время когда армия пролила кровь за восстановление старого порядка, в тылу политиканы из республиканцев, социал-революционеров и конституционных демократов мечтали после войны спасти революцию. Встав на платформу непредрешенчества, он тем самым предпринял участь Белого Движения.

В. ЛЕШИН.

Языковые Уродства

НАЗВАНИЯ ШТАТОВ

Вот роман Жюль Верна "Сквозь блокаду, выпущенный в свет по-русски в Петербурге в 1872 году. Дело происходит в эпоху гражданской войны в Америке. В беседе с английским капитаном, привезшим в Чарльстон оружие и боеприпасы, генерал-южанин Борегар высказывается следующим образом: "Притом, чего же вы хотите ожидать от приверженцев уничтожения рабства? Если даже допустить, чего не будет, что торговые города Виргинии, обеих Каролин, Георгии, Алабамы, Миссиссипи попадут в их власть..." Переводчик тут упреждает правильный русский литературный язык, принятый в те годы (замечим: в годы Достоевского, Тургенева, Толстого и Чехова).

Если мы вообразим себе ту же фразу под пером нынешних журналистов Зарубежья, она бы звучала, приблизительно, так: "торговые города Вирджинии, обеих Каролайн, Джорджи, Алабама, Миссиссипи..." Была какая-нибудь реформа русского языка на сей счет? Умнее и грамотнее стали нынешние газетные бумагомаратели, чем квалифицированная интеллигенция конца прошлого века? Или — вообразили себе, что они умнее (если так, то напрасно!)? Наши предки, они-то умели правильно и ясно выражать свои мысли и уважать установленные традиции.

Курьезная деталь: книга вышла в издательстве *Е. Н. Ахматовой*. Любопытно бы установить, имела ли эта Ахматова какое-либо отношение к А. А. Ахматовой? Сия последняя не раз говорила ведь, что взяла в виде псевдонима фамилию своих предков по материнской линии, и писала, между прочим:

Мне от бабушки — татарки
Были радостью подарки.

Издательница (и владелица типографии, как обозначено на книге) могла бы оказаться отдаленной или даже сравнительно близкой родственницей поэтессы.

Аркадий Рахманов

ФОНД ИЗДАТЕЛЬСТВА ИМЕНИ И. Л. СОЛОНЕВИЧА

В "Фонд Издательства имени Ивана Лукьяновича Солоневича" поступили следующие суммы:

от О. М. Некрасовой — 26,80 ам. долл., от Т. Николь — 20.- ам. долл., от Л. Е. Соломахо — 8,40 ам. долл., от Е. Е. Смолич — 8,40 ам. долл., от Б. М. Макаренко — 25.- австр., от В. С. Дерибы — 4.- австр., от Л. И. Барат-Баранова — 50.- нем. марок и 20.- ам. долл., от Л. Андреева — 4.- австр., от М. И. Ганна — 26,80 ам. долл., от Л. Апанаскевича — 5,40 ам. долл., от В. В. Зарубина — 162.- нем. марки, от А. Шаблий — 30.- ам. долл., от А. В. Неелова — 24.- австр., от Ф. Реутова — 11.- ам. долл.

"НАША СТРАНА". Русская монархическая еженедельная газета. Основана 18 сентября 1948 И. Л. Солоневичем. Издатель: Михаил Киреев. Редактирует: Ред. Коллегия. Адрес: М. Kireeff, Monroe 3578 — 11, 1430 Buenos Aires. Номер телефона М. Киреева: 89-0862. Статьи подписанные фамилией или инициалами не обязательно всегда выражают мнение редакции. Рукописи не возвращаются.

Цены за экземпляр газеты: Австралия - 0,80 ав. дол.; Германия - 1,80 н. м.; Франция - 5 фр.; Италия - 1100 лир; США - 0,80 ам. дол.; Аргентина - А 0,50. В остальных странах - 0,80 ам. дол. Цена объявлений: за 1 см. в 1 колонку - стоимость 4 экземпляров газеты в соответствующей валюте. Чеки и "моней ордер" выписывать на имя Miguel Kireeff с местом уплаты в США или Европе.

"NASHA STRANA" — "NUESTRO PAIS". Semanario monarquico ruso. Fundado el 18 de septiembre de 1948. Registro Nacional de Propiedad Intelectual No.: 949.917. Editor: Miguel Kireeff, Monroe 3578 — 11, 1430 Buenos Aires. Correo ARGENTINO Franqueo pagado. Conces.No. 4233 Sucursal 30 (B) Interes general. Conces.No. 3980